

СТАЛИН: РАБОТЫ «НЕОБХОДИМО ВЕСТИ... С РУССКИМ РАЗМАХОМ»

Ю. Н. СМИРНОВ

Теперь широко известно: распоряжение «Об организации работ по урану» было принято 28 сентября 1942 года И. В. Сталиным и пришлось на труднейший период войны с гитлеровской Германией. Ныне день 28 сентября — ежегодный профессиональный праздник работников атомной промышленности России. С августа 1945 г. все важнейшие постановления и распоряжения Правительства по атомной тематике (а их было множество!) выходили за подписью Сталина. Постоянно находясь в курсе событий, он влиял на них, предопределяя успех всего дела.

Любопытный факт: еще весной 1942 г. наши разведчики, основываясь на агентурной информации о развернувшихся на Западе работах по созданию атомной бомбы, подготовили для Л. П. Берии проект информационного письма Сталину. Однако, усомнившись в достоверности полученных сведений, Берия задержал письмо и переправил его Сталину только семь месяцев спустя, 6 октября 1942 г., т. е. через неделю после выхода распоряжения «Об организации работ по урану».

Известно, что с конца 1941 г. 28-летний курсант Военно-воздушной академии, уже тогда известный физик и будущий академик Г. Н. Флёрв обратил с письмами сначала к И. В. Курчатову, а затем к уполномоченному Государственного Комитета Обороны (ГКО) по науке С. В. Кафтанову, убеждая их в необходимости, не откладывая, развернуть в стране работы по делению урана. Более того, находясь в армии, он в апреле 1942 г. пишет непосредственно И. В. Сталину. Примечательно, с какой страстью Флёрв отстаивал свою позицию: «Во всех иностранных журналах полное отсутствие каких-либо работ по этому вопросу. Это молчание не есть результат отсутствия работы... Словом, наложена печать молчания, и это-то является наилучшим показателем того, какая кипучая работа идет сейчас за границей... Нам всем необходимо продолжить работу над ураном». Флёрв подчеркивал: «Единственное, что делает урановые проекты фантастическими, — это слишком большая перспективность в случае удачного решения задачи... В военной технике произойдет самая настоящая революция... Если в отдельных областях ядерной физики нам удалось подняться до уровня

иностраных ученых и кое-где даже их опередить, то сейчас мы совершаем большую ошибку, добровольно сдавая завоеванные позиции».

Письма Флёрва сыграли свою роль. Как и информация, почерпнутая из записной книжки убитого партизанами немецкого офицера, в которой содержались схемы ядерных превращений урана и записи, наводившие на мысль о работах в Германии по созданию сверхоружия. В результате в сентябре 1942 г. за подписью С. В. Кафтанова и академика А. Ф. Иоффе в ГКО было направлено предложение о необходимости создания научного центра по проблеме ядерного оружия. Много лет спустя Кафтанов вспоминал: «Докладывая вопрос на ГКО, я отстаивал наше предложение. Я говорил: “Конечно, риск есть. Мы рискуем десятком или даже сотней миллионов рублей... Если мы не пойдем на этот риск, мы рискуем гораздо большим: мы можем оказаться безоружными перед лицом врага, овладевшего атомным оружием”. Сталин походил-походил и сказал: “Надо делать”. Флёрв оказался инициатором принятого теперь решения».

11 февраля 1943 г. ГКО принял дополнительное специальное решение, подписанное В. М. Молотовым, об организации научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии. Их научным руководителем был назначен И. В. Курчатов. Общее руководство советским атомным проектом вначале осуществлял В. М. Молотов.

Но ход работы по советскому атомному проекту и ее организация на первом этапе, в годы войны, не удовлетворяли Курчатова. Не случайно 29 сентября 1944 г. он писал на имя Берии: «В письме т. М. Г. Первухина и моем на Ваше имя мы сообщали о состоянии работ по проблеме урана и их колоссальном развитии за границей. ...Вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов. У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943–1944 гг., положение дел остается совершенно неудовлетворительным... Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана,

решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре».

Уже 3 декабря 1944 г. постановлением ГКО СССР о лаборатории И. В. Курчатова Берии было поручено «наблюдение за развитием работ по урану». Широко известно упоминание Г. К. Жукова о Сталине в связи с атомным проектом. В своей книге «Воспоминания и размышления», рассказывая о работе Потсдамской конференции летом 1945 г., он отметил: «В ходе конференции глава американской делегации президент США Г. Трумэн, очевидно, с целью политического шантажа однажды пытался произвести на И. В. Сталина психологическую атаку. Не помню точно, какого числа, после заседания глав правительств Г. Трумэн сообщил И. В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомным оружием. В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделал вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Как Черчилль, так и многие другие англо-американские авторы считали впоследствии, что, вероятно, И. В. Сталин действительно не понял значения сделанного ему сообщения».

На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

— Цену себе набивают, Иосиф Виссарионович.

Сталин рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла об атомной бомбе».

Резкое ускорение работ по советскому атомному проекту наступило после того, как 6 августа 1945 г. американцы сбросили на Хиросиму свою первую атомную бомбу. Для советского руководства пришло время решительных действий. Светлана Аллилуева вспоминала о тех днях: «...Отца я увидела снова лишь в августе, когда он возвратился с Потсдамской конференции. Я помню, что в тот день, когда я была у него, пришли обычные его посетители и сказали, что американцы сбросили в Японии первую атомную бомбу... Все были заняты этим сообщением, и отец не особенно внимательно разговаривал со мной. А у меня были такие важные — для меня — новости. Родился сын! Ему уже три месяца и назвали его Иосиф... Какое значение могли иметь подобные мелочи в ряду мировых событий? Это было просто никому неинтересно...».

Уже через несколько дней после американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки последовали крупные организационные решения о форсировании работ по советскому атомному проекту. А пять месяцев спустя, 25 января 1946 г., Сталин лично встречается с Курчатовым и, демонстрируя свое полное доверие, предоставляет ему своеобразный карт-бланш. Курчатов записывает для себя: «Во взглядах на будущее развитие работ т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом, что в этом отношении будет оказана самая широкая, всемерная помощь».

Впервые об этой встрече было сказано в январе 1993 г. в докладе, посвященном 90-летию со дня рождения Игоря Васильевича Курчатова. Были приведены и ключевые положения из его личной записи о беседе с вождем. Текст с большим трудом поддается расшифровке. Форма записи строгая, деловая, без каких-либо оценок, фактически официальная, констатирующая. Да и не мог Курчатов позволить себе что-либо иное. Он понимал, под каким контролем каждый его шаг, и не мог подвергнуть даже малейшему риску огромное дело, которое возглавил.

Прежде чем привести запись, напомним некоторые важные обстоятельства. Решением Государственного Комитета Обороны СССР от 20 августа 1945 г. был создан Специальный (Особый) комитет при ГКО под председательством Л. П. Берия. На комитет возлагалась задача создания атомной промышленности в стране и атомного оружия. Накануне Сталин вызвал к себе наркома боеприпасов — одного из будущих руководителей атомной промышленности СССР Б. Л. Ванникова. Вспоминая об этом разговоре, Ванников отметил: «Сталин вкратце остановился на атомной политике США и затем повел разговор об организации работ по использованию атомной энергии и созданию атомной бомбы у нас, в СССР». Сталин упомянул о предложении Берии возложить все руководство на НКВД и сказал: «Такое предложение заслуживает вни-

И. В. Сталин

Курчатов И. В.

мания. В НКВД имеются крупные строительные и монтажные организации, которые располагают значительной армией строительных рабочих, хорошими квалифицированными специалистами, руководителями. НКВД также располагает разветвленной сетью местных органов, а также сетью организаций на железной дороге и на

водном транспорте». Однако затем, видимо, учитывая и соображения Ванникова, Сталин посчитал, что наилучший вариант — выйти за рамки НКВД и создать Специальный комитет, который «должен находиться под контролем ЦК и работа его должна быть строго засекречена... Комитет должен быть наделен особыми полномочиями».

Заместителем председателя Специального комитета был назначен Б. Л. Ванников (с освобождением его от обязанностей народного комиссара боеприпасов), а его членами стали Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский (председатель Госплана), А. П. Завенягин, И. В. Курчатов, П. Л. Капица, М. Г. Первухин. Секретарем комитета стал В. А. Махнёв. Настаивая на включении в комитет Маленкова, Сталин подчеркнул: «Это дело должна поднять вся партия, Маленков — секретарь ЦК, он подключит местные партийные организации».

Одновременно был сформирован Технический совет, в который по предложению Берия вошли Б. Л. Ванников (председатель), А. И. Алиханов (ученый секретарь), И. Н. Вознесенский, А. П. Завенягин, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. К. Кикоин, И. В. Курчатов, В. А. Махнёв, Ю. Б. Харитон и В. Г. Хлопин. При этом Сталин рассуждал так: «Давайте назначим председателем ученого совета тов. Ванникова, у него получится хорошо, его будут слушаться и Иоффе, и Капица, а если не будут — у него рука крепкая; к тому же, он известен в нашей стране, его знают специалисты промышленности и военные».

На основании постановления ГКО от 20 августа 1945 г. было образовано Первое главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР (знаменитое ПГУ), которое также возглавил Б. Л. Ванников.

Смысл некоторых замечаний в записи И. В. Курчатова о встрече со Сталиным 25 января

1946 г. и указаний Сталина становится понятным, если вспомнить, какие события развернулись с участием академика П. Л. Капицы после первых заседаний Специального комитета и Технического совета, членами которых он состоял. Петр Леонидович Капица — человек независимых взглядов, не боявшийся войти в острый конфликт даже с Берией, уже через полтора месяца после создания Специального комитета и Технического совета обратился 3 октября 1945 г. с письмом к Сталину. В нем он, в частности, писал, что «товарища Берия мало заботит репутация наших ученых (твое, дескать, дело изобретать, исследовать, а зачем тебе репутация). Теперь, столкнувшись с тов. Берия по Особому комитету, я особенно ясно почувствовал недопустимость его отношения к ученым». И далее: «...Уже пора товарищам типа тов. Берия начинать учиться уважению к ученым. Все это заставляет меня ясно почувствовать, что пока еще не настало время в нашей стране для тесного и плодотворного сотрудничества политических сил с учеными».

25 ноября 1945 г. П. Л. Капица написал Сталину о своей настоятельной просьбе освободить его от «участия в Особом комитете и Техническом совете». В своем пространном письме он мотивировал просьбу тем, что «товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия... У тов. Берии основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо... Товарищ Ванников и другие из Техсовета мне напоминают того гражданина из анекдота, который, не веря врачам, пил в Ессентуках все минеральные воды подряд в надежде, что одна из них поможет». Капица в этом письме утверждал: «В организации работы по атомной бомбе, мне кажется, есть много ненормального. Во всяком случае, то, что делается сейчас, не есть кратчайший и наиболее дешевый путь к ее созданию... Но если стремиться к быстрому успеху, то всегда путь к победе будет связан с риском и с концентрацией удара главных сил по весьма ограниченному и хорошо выбранному направлению. По этим вопросам у меня нет согласия с товарищами... Единственный путь тут — единоличное решение, как у главнокомандующего, и более узкий военный совет». Капица предлагал Сталину: «Надо поднять наши научные институты и благосостояние наших научных работников... Надо поднять наше высшее образование, вузы, университеты, готовить молодежь для науки... Надо наладить научное приборостроение и получение реактивов». Ученый просил Сталина ознакомить со своим письмом Берия, и нет сомнения, что Берия был в курсе разыграв-

шихся событий. 2 января 1946 г. П. Л. Капица отправляет Сталину очередное письмо, в котором подчеркивает «необходимость осознать наши творческие силы и возможности... Мы должны делать по-своему и атомную бомбу, и реактивный двигатель...».

Вопросы, поставленные Капицей в этих письмах, как мы увидим из записи Курчатова, в той или иной степени и, видимо, не случайно, затрагивались Сталиным во время встречи 25 января 1946 г. Поэтому интересно проследить, какие именно указания дал Сталин Игорю Васильевичу. И обратим внимание, что в разговоре с Курчатовым Сталин сам заговорил о Капице, а 4 апреля 1946 г. сообщил Петру Леонидовичу: «Тов. Капица! Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного — думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них...».

Однако Сталин и Капица так никогда и не встретились. Уже 21 декабря 1945 г. Капица был освобожден от работы в Спецкомитете и Техническом совете, а осенью 1946 г. снят со всех занимаемых должностей и попал в опалу. Между прочим, в свое время я прямо спросил Ю. Б. Харитона, как со стороны выглядел конфликт Капицы с Берией, и почему так обошлись с Петром Леонидовичем. Юлий Борисович был лаконичен: «Задирался много».

...Игорь Васильевич в своих записях ничего не говорит о том, как выглядел Сталин во время их встречи. Но его дочь Светлана свидетельству-

ет: «Когда война кончилась, он (отец) заболел. У него сразу был такой спад. Ему было уже 66 лет. Он очень болел в 46 году... И болел долго и трудно. Сказались напряжение и усталость военных лет и возраст... Летом 1946 г. он уехал на юг — впервые после 1937 г.». Никаких явных свидетельств не оставил Игорь Васильевич и о мотивах состоявшейся встречи со Сталиным. Хотя, как видим, действия и позиция П. Л. Капицы, как и его разыгравшийся конфликт с Берией, по меньшей мере, пусть косвенно, но могли способствовать осуществлению такой встречи.

Обратимся теперь к тексту записи беседы, сделанной И. В. Курчатовым, по-видимому, сразу после встречи со Сталиным, под свежим впечатлением. Не поддающиеся расшифровке фрагменты показаны многоточиями в квадратных скобках; сомнительные варианты отмечены знаком вопроса. Заключительные слова записи Игоря Васильевича, к сожалению, не поддаются однозначной расшифровке.

Этот листок с быстрым, почти стенографическим почерком Игорь Васильевич до конца дней хранил в личном сейфе.

...Со дня встречи Сталина с Курчатовым 25 января 1946 г. до пуска первого советского опытного уран-графитового реактора 25 декабря 1946 г. оставалось ровно 11 месяцев. До взрыва первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 г. оставалось еще долгих и очень трудных 3 года и 7 месяцев.

«25 января 1946 года.
Беседа продолжалась приблизительно один час с 7 до 8 вечера. Присутствовали т. Сталин, т. Молотов, т. Берия.
Основные впечатления от беседы. Большая любовь т. Сталина к России и В. И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране. [...]
Во взглядах на будущее развитие работ т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом, что в этом отношении будет оказана самая широкая всемерная помощь.
Т. Сталин сказал, что не нужно искать более дешевых путей, что не нужно [?] работу, что нужно вести работу быстро и в грубых основных формах. [...].
По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо — это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы (несколько? тысяч?) человек жило на славу, [?] свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина.
В работе т. Сталин говорил — что надо идти решительно со вложением решительно всех средств, но по основным направлениям. Надо также всемерно использовать Германию, в которой есть и люди, и оборудование, и опыт, и заводы. Т. Сталин интересовался работой немецких ученых и той пользой, которую они нам принесли.
Из беседы с т. Сталиным было ясно, что ему отчетливо представляются трудности, связанные с получением (наших?) первых агрегатов, хотя бы с малой производительностью, т. к. (сказал?) увеличения производительности можно достигнуть увеличением числа агрегатов. Труден лишь первый шаг, и он является основным достижением.
(Затем?) были заданы вопросы об Иоффе, Алиханове, Капице и Вавилове и целесообразности работы Капицы.
Было выражено (мнение?) на кого (они?) работают и на что направлена их деятельность — на благо Родины или нет.
Было предложено написать о мероприятиях, которые были бы необходимы, чтобы ускорить работу, все, что нужно. Кого бы из ученых следовало еще привлечь к работе.
Систему премий.
Обстановка кабинета указывает на (оригинальность?) и (?) ее хозяина. Печи изразцовые, прекрасный портрет Ильича и портреты полководцев.
Космические лучи и циклотрон...»*

* В документах, цитируемых в статьях Ю. Н. Смирнова, сохранена орфография и пунктуация оригинала. — Ред.

По существу, в ходе беседы Сталин наделил И. В. Курчатова особыми полномочиями. Вне всякого сомнения, Сталин понимал (это хорошо видно из записи беседы), что создание собственной атомной бомбы становится важнейшим делом для государства. Поэтому были развернуты такие мобилизационные мероприятия, которые только и были под силу мощной партийно-государственной системе, подчиненной единой воле и жесткому контролю. Той централизованной диктаторской машине управления, которая господствовала в СССР. Для решения беспрецедентной задачи были привлечены лучшие силы промышленности, конструкторских бюро, исследовательских институтов, все звенья партийных органов и управления, лучшие руководители и специалисты. Теперь по несколько раз в месяц под председательством Берии проходили заседания Специального комитета, на которых рассматривались узловые вопросы реализации атомного проекта. И практически все протоколы, которые велись на этих заседаниях, содержали в той или иной вариации фразу: «Проект Постановления по данному вопросу представить Председателю Совета Министров СССР товарищу Сталину И. В.». Не случайно только в течение года (с августа 1945 года) Сталин лично подписал более шестидесяти важнейших документов в интересах форсированного развития атомной тематики и постоянно находился в курсе дела.

«Специальное правительственное внимание», которого давно добивался Курчатов, стало фактом. Но одновременно неизмеримо увеличилась и его нагрузка. От программы научно-исследовательских работ Лаборатории № 2, весь коллектив которой к концу войны насчитывал около 100 человек, надо было немедленно перейти к новому масштабу работы: созданию крупнейших небывалых предприятий и комбинатов зарождающейся атомной отрасли с тысячами сотрудников. Именно тогда стали закладываться целые закрытые города, начало которым положили Арзамас-16 и Челябинск-40. Выстраивалась цепочка, включавшая мощную триаду: добычу уранового сырья, производство оружейного плутония и урана, разработку и конструирование атомных зарядов. Этот лавинообразно нарастающий процесс, сопровождавшийся испытаниями зарядов на атомном полигоне, еще более расширился в связи с возникшей вскоре задачей по созданию термоядерного оружия. Специфика новой отрасли заключалась в том, что отныне трудно было провести грань между самой высокой на тот период наукой и крупномасштабными технологиями и производствами. Бурно растущий, казавшийся необозри-

мым атомный комплекс стал постоянной заботой и предметом личной ответственности Игоря Васильевича Курчатова как научного руководителя проблемы.

С другой стороны, создание атомной бомбы в СССР пришлось на период обострившегося с лета 1946 г. опаснейшего противостояния между СССР и США, когда война между бывшими союзниками могла начаться в любой момент. Наша страна только что вышла из опустошительной, кровавой войны с фашизмом. Сталин знал о жертвах и лишениях соотечественников не только по сводкам. Его дочь Светлана вспоминала, что летом 1946 г. он поехал на юг на машине: «Огромная процессия протянулась по плохим тогда еще дорогам... Останавливались в городах, ночевали у секретарей обкомов, райкомов. Отцу хотелось посмотреть своими глазами, как живут люди, а кругом была послевоенная разруха. ...Он нервничал, видя, что люди живут еще в землянках, что кругом еще одни развалины».

В те же годы Сталин продолжил свое безжалостное давление на общество, не щадя ни своих партийных единомышленников, ни ученых, ни еще совсем недавних национальных кумиров. Заподозрив в подготовке заговора, он в июне 1946 г. высылает Г. К. Жукова в Одессу. По нелепому навету лично лишает воинского звания генерал-лейтенанта легендарного папанинца Е. К. Федорова и в августе 1947 г., разжаловав в рядовые, снимает его с должности. К началу 1949 г. раскручивается сфабрикованное «ленинградское дело», завершившееся трагической развязкой.

Гнетущую атмосферу в стране усиливали печально знаменитые репрессивные постановления Центрального Комитета ВКП(б) в области литературы, театра, кино (1946 г.) и даже музыки (1948 г.). Были проведены разгромные «дискуссии» по вопросам философии (1947 г.) и по так называемому космополитизму в науке (1948–1949 гг.). Общеизвестна трагическая участь советской генетики, судьба которой была решена в августе 1948 г. К счастью, удалось избежать намечавшегося было идеологического совещания даже по физике...

В этих условиях быстрое создание атомной бомбы в нашей стране, завершившееся успешным испытанием 29 августа 1949 г., было не только триумфом, но и подвигом. При этом роль Игоря Васильевича Курчатова, его ближайших сподвижников была одной из самых решающих.

По материалам: Ю. Н. Смирнов. Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники (РАН). 1994. № 2. С. 125–130.